

Главы ведомств «Трех инстанций» обладали своего рода негласным пониманием: никто из них не желал раздувать из этого дела шум. Вероятно, они уже по тому факту, что император даровал брак, поняли, насколько тот опасается Фу Шэня. Лишь один чиновник из Ведомства цензоров, правый помощник цензора по имени Гу Шаньлюй, настаивал, что в этом деле есть сомнения, и просил о более тщательном расследовании. Однако его докладная записка даже не попала на глаза Его Величеству — ее давным-давно припрятал под сукно главный евнух, отвечавший за ведение записей.

Янь Сяохань не мог открыто задействовать Фэйлунвэй для расследования, а втайне это требовало куда больше сил, но эффект был минимальным. Поскольку дело касалось военных секретов Армии Северного Янь, а Фу Шэнь всегда держал Фэйлунвэй на расстоянии вытянутой руки, людям Янь Сяоханя было крайне трудно раздобыть хоть сколько-нибудь полезные сведения. Единственным достижением за два месяца стало обнаружение так называемой травяной тропы — тайных путей сообщения между армией Тунчжоу и пограничными конными разбойниками.

Травяная тропа была противоположностью официального тракта. Как следует из названия, она означала закулисные сделки между военными и местными купцами. Купцы перемещались по всем регионам, а армия могла покупать у них продовольствие, лекарства, иноземное огнестрельное оружие и мечи. Некоторые даже сводили разбойников с представителями Дун Да и ханьскими отрядами, обменивая продовольствие, чай и соль на боевых коней.

В прежние годы официальные поставки то открывались, то прекращались, а налоги были непомерно высоки, поэтому травяные тропы возникали сами собой, и искоренить их не удавалось. Без преувеличения можно было сказать, что у каждого пограничного гарнизона Великой Чжоу имелась хотя бы одна такая тропа.

Если порох действительно попал в руки врага через травяную тропу, то Перевал Цинша, расположенный на самой северной окраине Тунчжоу, идеально подходил для организации засады, и главными подозреваемыми оказывались именно тунчжоуские гарнизоны.

Согласно словам Фу Шэня, глазами императора в Армии Северного Янь был кто-то из высокопоставленных генералов. Армия Тунчжоу много лет назад отделилась от Северных Железных Всадников Янь, и именно с ней была тесно связана западная оборонительная линия Армии Северного Янь в районе Юаньчжоу.

Кто именно этот человек — возможно, Фу Шэнь уже догадывался. Впрочем, Янь Сяоханю не нужно было знать наверняка, да и вмешаться в дела Армии Северного Янь он не мог. Однако, если Фу Шэнь не сможет убрать этого предателя, то ради самого Фу Шэня или ради себя самого, по долгу службы или по личным мотивам, Янь Сяохань должен будет нанести решающий удар.

Что касалось другого дела, то оно стало для него полной неожиданностью. Слухи о мужеложестве Фу Шэня распространила его мачеха, Госпожа Цинь. Ее дочь была наложницей в Восточном дворце и нашептала на ухо наследному принцу всякое, вот тот и придумал столь подлый ход с дарованием брака, чтобы разделить «заботы» Императора Юаньтай.

Дальше расследовать было нечего — и так понятно: Госпожа Цинь из кожи вон лезла, чтобы известить Фу Шэня, исключительно ради того, чтобы ее родной сын унаследовал титул. Она боялась, что Фу Шэнь станет помехой, поэтому решила действовать на опережение, надеясь, что тот останется без потомства.

Эгоистичная, жестокая женщина сплела интригу в глубине поместья, но едва не спровоцировала смену военной власти на Северной границе и не взбаламутила весь императорский двор. Как же иронично и как глупо.

Впрочем, когда Янь Сяохань впервые услышал об этом, его разозлило вовсе не то, что она очернила Фу Шэня, превратив его в посмешище, из-за чего и случились нынешние беды. Его взбесила фраза, когда-то брошенная Фу Шэнем в пещере: У меня тоже нет матери.

Мало того, что остался сиротой, так еще и вынужден был терпеть издевательства злобной мачехи — как он вообще выживал все эти годы?

Янь Сяохань немного остыл во внутреннем дворе Фэйлунвэй, подозвал подчиненного и приказал: У хоу есть брат по имени Фу Я. Слышал, он постоянно пропадает в петушиных боях и собачьих бегах, еще совсем молод, а уже прослыл повесой. Его Величество не любит, когда Поместье герцога Ин ведет себя слишком вызывающе. Раз уж хоу дал мне свое согласие, не стоит обделять вниманием его брата.

Подчиненный был ушлым малым и сразу все понял: Слушаюсь, господин. Позвольте спросить, мне сделать так, чтобы он немедленно стал бесполезен, или стоит истощать его здоровье лекарствами постепенно?

Не спеши, — усмехнулся Янь Сяохань. — Действуй мягко. Лучше всего, если это проявится как раз тогда, когда придет время просить о наследовании титула. Мне любопытно посмотреть, кто в клане Фу тогда сможет потянуть на себе звание герцога Ин.

Раз Госпожа Цинь так любит лишать других наследников, пусть сначала ее драгоценный сынок отведаст этого блюда.

Что же касается Фу, наложницы наследного принца, Янь Сяохань изначально планировал расправиться с ней заодно с Фу Я. Кто бы мог подумать, что из Восточного дворца придут вести: Фу Тин уличен в занятиях колдовством и попытке навредить супруге наследного принца. Ее выдала собственная доверенная служанка. Жена принца, Госпожа Цэнь, пощадила ее ради того, что она из клана Фу, но лишила статуса и приказала отправить в прислуги, чистящие полы.

Наследный принц глуп, а вот его супруга оказалась женщиной умной. Интересно, что почувствовала бы Госпожа Цинь, узнав о судьбе своих детей?

Город Яньчжоу.

Хотя Фу Шэнь и отправился на Северную границу под предлогом почитания предков, он еще не сложил с себя полномочий главнокомандующего Армией Северного Янь. Едва он въехал в город, как его тут же встретили подчиненные, ждавшие его возвращения в резиденции губернатора. За исключением нескольких генералов, находившихся в дозоре, все остальные военачальники слетелись в Яньчжоу, чтобы по очереди пожелать ему дожить до седых волос вместе с супругом и поскорее обзавестись наследниками. Они чуть не заставили хоу вскочить с инвалидного кресла от ярости.

Эта орава шумных обезьян галдела полдня, пока разъяренный генерал Фу не вышвырнул их за дверь, приказав Сяо Сюню прогнать их на пол-ли в шею.

После полудня военный врач Армии Северного Янь Ду Лэн осмотрел его рану на ноге и, закончив, улыбнулся: Поздравляю!

У Фу Шэня уже выработался условный рефлекс, и он с безразличным видом отозвался: И вас поздравляю.

Ду Лэн: ...

Они с минуту молча смотрели друг на друга, затем Ду Лэн неловко кашлянул и, сдерживая смех, сказал: Я имел в виду — поздравляю вас, хоу, рана заживает на удивление хорошо. Должно быть, тот, кто вас лечил, был великим мастером. Кости почти срослись, мышцы восстановили силу. Еще полгода отдыха, и вы сможете подняться с кресла и ходить, как обычный человек.

Фу Шэнь: ...

Он сделал вид, что ничего не произошло: А сколько времени потребуется на полное восстановление?

Полное восстановление невозможно, — терпеливо ответил Ду Лэн. — Все зависит от процесса реабилитации. Если следовать методам, которые я предлагал изначально, предел — шестьдесят-семьдесят процентов.

Фу Шэнь погрузился в раздумья, ничего не ответив, лишь сказал: Благодарю за ваш труд, господин Ду.

Вскоре после того, как Ду Лэн ушел, в комнату вошел молодой мужчина. Он был чуть старше Фу Шэня, с красивым и открытым лицом, мягкими, располагающими манерами — не как у Янь Сяоханя, чья мягкость была подобна маске, а с природным благородством истинного джентльмена. Увидев его, Фу Шэнь расслабился и, указав на стул, произнес: Цинхэн пришел, садись. В это время тебе пришлось нелегко.

Мужчину звали Юй Цяотин, его второе имя — Цинхэн. Он был близким другом Фу Шэня и его правой рукой. Пока Фу Шэнь отсутствовал, все военные дела Армии Северного Янь держались на нем, благодаря чему удалось избежать хаоса.

Юй Цяотину было не до сидения, он чуть не схватил Фу Шэня за воротник: Что сейчас происходит в Столице? И что это за история с дарованием брака?

Фу Шэнь вкратце описал ситуацию. Выслушав его, Юй Цяотин помрачнел: Император... поистине, убить верную собаку, когда дичь перевелась, разрушить собственную стену... Какая ему от этого польза?

Он правитель целой страны, видит вещи не так, как мы, — сказал Фу Шэнь. — Хорошо еще, что я для него лишь бельмо на глазу. Если однажды он увидит в Армии Северного Янь угрозу, вот тогда все будет действительно кончено.

Юй Цяотин покачал головой и спросил: И что ты собираешься делать?

Я? — Фу Шэнь ответил с недоумением. — Женюсь. Не могу же я ослушаться императорского указа?

Юй Цяотин: ...Я знаю, что ты женишься, хватит хвастаться. Я имею в виду — неужели ты так просто вернешь Армию Северного Янь двору и позволишь императору творить все, что ему вздумается?

Видя, что Фу Шэнь медлит с ответом, он намекнул: Император уже немолод... Цзинъюань, тебе стоит подумать о будущем.

Хорошо еще, что мы знаем друг друга как облупленные, а то я бы тебя уже давно вышвырнул, — сказал Фу Шэнь. — Вмешиваться в вопросы престолонаследия — это подобает говорить такому высокому чину, как генерал, покоряющий Север?

Юй Цяотин ответил: Когда нож уже у горла, о чем еще можно молчать? Я никогда не думал, что ты такой святоша. Ты смирился или у тебя уже есть планы?

Фу Шэня задели его слова, и он усмехнулся: А что бы ты предложил?

Юй Цяотин: Наследный принц утратил добродетель, Князь Цзинь бездарен, остальные — посредственности, есть только...

Князь Ци, — перебил его Фу Шэнь. — Официально Князь Ци славится своей мудростью, а с личной стороны — моя сестра его законная жена. Поэтому ты считаешь, что он достоин занять престол и сможет быть хорошим императором?

Юй Цяотин кивнул.

Фу Шэнь: Цинхэн, очнись. Если Князь Ци взойдет на трон, я стану родственником императора со стороны жены. Много ли таких родственников в истории заканчивали жизнь благополучно? Сейчас он ведет себя вежливо, но как только сядет в это кресло, все станет иначе. Ты и я — генералы, и то нас гложут сомнения, а он — правитель тысяч, у него мыслей поболее нашего будет. Когда-то нынешний император и мой покойный отец тоже назывались верными государем и подданным, а теперь, когда он решил известить сына, разве он хоть немного пощадил его?

Юй Цяотин слушал его, и его охватывала все большая тоска, казалось, даже волосы поседели: Значит, и Князь Ци не подходит? Кто же тогда среди наследников достоин? — Вдруг он что-то вспомнил, его прошибла дрожь: Цзинъюань! Ты ведь не хочешь, чтобы Князь Ин...

Фу Шэнь честно признался: Были такие мысли.

Юй Цяотин: Генерал, ты и вправду смел в своих желаниях.

Но это невозможно, — сказал Фу Шэнь. — Одно только происхождение — уже огромная проблема.

Юй Цяотин: Тогда ты...

Фу Шэнь: Я часто думаю: император, наследный принц, Князь Ци — кто бы ни сидел на троне, добрый правитель или тиран, почему в конечном итоге Армия Северного Янь всегда становится костью в горле? Честно скажу, я даже колебался, думая, может быть, дело не в императоре, а в том, что само существование Армии Северного Янь — это ошибка.

Юй Цяотин сочувственно вздохнул.

Но ведь Армия Северного Янь столько лет охраняет границы, усердно защищая родину, в чем здесь ошибка? — сказал Фу Шэнь. — Армия Северного Янь — это острое лезвие государства. Нож ни при чем, виноват тот, кто его держит. Пока рукоять ножа в чужих руках, мы вечно будем жить в подозрениях.

Юй Цяотин, ошеломленный столь крамольными речами генерала Фу, дрожащим голосом произнес: Цзинъюань, ты... ты же затеваешь мятеж...

Чего ты испугался? Я ведь еще ничего не сделал, — легкомысленно улыбнулся Фу Шэнь. — К тому же я женюсь. Зачем мне, имея хорошую жизнь, самому лезть в петлю и становиться одиноким изгоем?

Юй Цяотин не удержался от шпильки: Генерал, кончай болтать. Не стоит выдавать случайную

удачу за дарованную судьбой любовь.

Фу Шэнь: ...

Переговорив впустую, они пришли к выводу: мятеж нельзя, давление на дворец нельзя, неразрешимые вопросы так и остались неразрешенными. У Фу Шэня в глубине души таилась смутная идея, но настолько шокирующая, что если бы он озвучил ее, Юй Цяотин наверняка позвал бы врача Ду лечить ему голову. Подумав, он решил благоразумно промолчать.

Приближался канун Нового года, в Яньчжоу царил праздничная атмосфера. Солдаты тяжело работали весь год, и только в праздник могли немного расслабиться. Жители города всегда были близки с Армией Северного Янь, поэтому постоянно несли к резиденции Фу Шэня подарки. Когда слуги поместья Янь пригнали повозку и нашли резиденцию, их едва не затопила груда кур, уток и гусей у ворот.

Фу Шэнь сидел во дворе, потягивая вино и беседуя с Юй Цяотином, Сяо Сюнем и другими, закусывая секретными жареными фрикадельками кухарки. Услышав, что из Столицы привезли дары, он сделал глоток вина, и оно ударило ему в голову.

Он забыл, что сидит в кресле, и, опираясь на стол, неосознанно попытался встать, но Сяо Сюнь ловко прижал его обратно: Генерал, я отвезу вас.

Юй Цяотин удивленно спросил: Куда отвезешь? Пусть войдут.

Приехал доверенный человек, который всегда был при Янь Сяохане. Он поклонился Фу Шэню, почтительно назвал его хоу и произнес длинную праздничную речь, в конце добавив: Наш господин велел передать, что привез подарки, чтобы вы могли отведать лакомств из родных мест. Хоу далеко от Столицы, но должен почувствовать вкус дома. Вот список даров, прошу взглянуть.

Слово «наш господин» мгновенно согрело сердце Фу Шэня. Юй Цяотин рассмеялся, подшучивая: Посмотрите, как сказано, сразу видна близость. Генерал, ты всегда твердил, что Яньчжоу — твой родной дом, а теперь видишь? Эх, Цзинъюань, так где же все-таки твоя родина?

Фу Шэнь сдержал улыбку, пихнул его локтем, невозмутимо взял список подарков, наградил гонца и отправил его отдыхать, а сам под бдительным присмотром оравы любопытных гусей принялся проверять, что же прислал Янь Сяохань.

Янь Сяохань был человеком осторожным, отношения между ними не могли развиваться слишком быстро, внешние приличия должны были соблюдаться. Поэтому подарок был вполне обычным: дичь, меха, ничего предосудительного, придраться не к чему.

Фу Шэнь облегченно вздохнул, чувствуя необъяснимую тоску, и посмеялся над самим собой — делать нечего, вот и мается дурью. Пока он витал в облаках, вдруг услышал, как Юй Цяотин воскликнул: Чудеса, в это время года — и гуси?

В первом ящике лежала пара замороженных диких гусей. Сяо Сюнь и Юй Цяотин вертели их в руках, цокая языками: У нас в горах полным-полно дичи, чего только нет, почему этот утонченный господин Янь решил прислать именно их? А, оказывается, ради этой парочки! Верно ведь, Чжуншань?

Сяо Сюнь рядом яростно закивал: Да, ради гусей.

Фу Шэнь с ледяным видом сказал: Чего орете? Будто гусей никогда не видели. Позор.

Юй Цяотин не унимался: Разве это обычные гуси? Это гуси для шести свадебных обрядов, хоу!

Замолчи, без тебя знаю, что для обрядов нужны гуси, — Фу Шэнь сделал вид, что все в порядке, поправил меховой плащ, закрывая воротником уши. — Раз прислали, надо ответить. Чжуншань, найди пару оленьих шкур, отправим с ответным даром на пятнадцатый день.

Фу Шэнь и Янь Сяохань обменивались знаками внимания, а пострадал в итоге Сяо Сюнь. Юный генерал был недоволен и решил утащить за собой виновника торжества — Юй Цяотина.

Фу Шэнь наконец обрел покой. Он выпустил горячий вздох, чувствуя, как внутри разливается жар от вина. Наклонившись к другому ящику, он обнаружил под выделанными мехами другой подарок: пару сшитых вручную меховых наколенников.

Пара гусей, пара наколенников, стоимостью в несколько серебряных монет — все остальное содержимое ящиков было лишь дополнением.

Фу Шэнь не знал, восхититься ли его стараниями или отругать за расточительство. Призадумавшись, он понял, что Янь Сяохань всегда был таким: щедрым на заботу, но искренность его была лишь крупницей, спрятанной глубоко в темноте. Однако эта крупница была подобна нефриту под грубой оболочкой: стоило ей увидеть свет, как все вокруг превращалось в камень.

На пятнадцатый день первого лунного месяца Янь Сяохань получил ответный подарок из Яньчжоу. Настоящий дар был спрятан среди местных продуктов: две оленьи шкуры и... нефритовый кулон в виде цветка линсяо.

Неожиданный дар Фу Шэня едва не лишил Янь Сяоханя сна. Весь вечер он с тревогой рассматривал кулон. То подозревал, что Фу Шэнь о чем-то догадался, то верил, что это знак примирения. А потом снова терзался сомнениями, вспоминая решительный взгляд Фу Шэня, когда тот разбил старый нефрит — неужели он хочет снова все оборвать?

Янь Сяохань потянулся к прикроватной тумбочке и достал маленькую шкатулку из сандалового дерева. Внутри, в красном атласе, лежал старый кулон. Семь лет назад тот разбился вдребезги. Даже лучшие мастера не смогли спасти его, как бы ни пытались скрепить золотом. Кулон был неровным, со щербинами, не чета новому подарку, но Янь Сяохань берег его как зеницу ока.

Он до сих пор помнил отчаяние, когда, стоя на коленях, собирал осколки, понимая, что прежнюю форму уже не вернуть. Если бы не мастерство умельца, он бы до конца жизни жалел об этом.

Семь лет назад он только вступил в Фэйлунвэй. Его критиковали и высмеивали, и он был полон юношеского бунта. Фэйлунвэй не гнушались методами, и Янь Сяохань следовал их примеру. Неизвестно, удача это была или несчастье, но первым его делом стало дело Цзинь Юньфэна. И впервые применив свои «нечистоплотные методы», он наткнулся на Фу Шэня, словно на железную стену.

Семь лет эти воспоминания были для него как кандалы, но в то же время — как паутинка, удерживающая от падения в бездну. Этот кулон, собранный из осколков, был воплощением его смиренного желания, в котором он не мог признаться. Прости меня. Я не хочу... разрывать с тобой отношения.

Два кулона лежали рядом в шкатулке — разбитый и целый, они светились под лампой, словно утешение из далекого Севера, из старых воспоминаний, от человека, который всегда был слишком упрям, чтобы сказать правду. К счастью, он скоро вернется.

Двенадцатое число второго месяца, праздник цветов.

В поместье хоу вовсю шла подготовка, гремела музыка, красные ленты украшали столбы, слуги суежились, готовясь к пиру. В главном зале вдруг раздался рев: Где он?! Почему до сих пор не приехал?!

Чиновник из Министерства ритуалов схватил слугу поместья Янь и в отчаянии взвыл: ...Хоу еще не вернулся?! Почему твой господин не сказал раньше?! Путь неблизкий... Да он же просто сбежал!

Слуга в смятении ответил: Господин, я... я не знаю, господин лично приказал все готовить как обычно.

Счастливым час был близок, и чиновник окончательно потерял надежду. Фу Шэнь славился суровым характером, но когда он согласился на помощь Министерства, все вздохнули с облегчением. Кто бы мог подумать, что перед самым бракосочетанием этот предок исчезнет!

Каков ход, достойный военного стратега. Теперь оставалось лишь молиться, чтобы император в своем гневе не казнил их — невинных пешек.

Чиновник разгладил бородку, стараясь успокоиться, и спросил: Где сейчас твой господин?

Слуга честно ответил: Господин еще на рассвете выехал из города, сказал, что едет встречать хоу... Господин? Господин! Кто-нибудь, помогите! Чиновнику дурно!

За пределами Столицы, у павильона на тракте.

Свита то и дело поглядывала на солнце, наполняясь тревогой. Кто-то робко спросил: Господин, скоро счастливый час, почему... не видно никого?

Больше они не смели ничего сказать, боясь, что Янь Сяохань выхватит меч из-под своего свадебного наряда.

Янь Сяохань подавил раздражение и спокойно произнес: Еще подождем.

Фраза «Красный шелк на десять ли, я не подведу тебя» все еще звучала в ушах. А в письме из Яньчжоу, кроме просьбы ждать у города, были строки: Бумага коротка, а чувства длинны, все сказано, не забудь и не подведи.

<http://bllate.org/book/24189/2797621>